

ИССЛЕДОВАНИЯ • ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ И АРХЕОГРАФИЯ

Митрополит Петрозаводский и Карельский
КОНСТАНТИН (Горянов)

НАЧАЛО ДАЛЬНЕЙШЕГО (К 500-ЛЕТИЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ СВ. ПРП. ИОСИФА ВОЛОЦКОГО)

*Актуальная бесконечность
Божественного бытия определяет
динамическую бесконечность
человеческого пути и подвига, в котором
всегда есть начало дальнейшего — даже
за пределами земной жизни и самого
времени.*

свт. Григорий Нисский (335 — ок. 395)

Настоящая статья посвящена личности и деяниям великого русского святого прп. Иосифа Волоцкого. С пятисотлетнего отстояния от времени жизни святого монаха автор статьи в историческом контексте рассматривает современное значение его монашеского и государственного служения. Это служение определяется не иначе, как подвиг, как опасная борьба с иноземными завоевателями, которые в лице иудея Схарии и с помощью его единомышленников пришли на Русь не с оружием, а с губительной идеологией, названной «ересью жидовствующих». Подробно рассматриваются в статье понятия «ересь» в целом и «ересь жидовствующих» в частности, исследуются причины возникновения немалого числа последователей этого враждебного традиционной пра-

вославленной вере учения. В историческом контексте статьи отражены не только фактические события, связанные с чужеродной идеологической экспансией, но рассматриваются меры, своевременно принятые мудрыми подвижниками Русской Православной Церкви Иосифом Волоцким, Геннадием Новгородским. Исследуются также взаимоотношения «иосифлян» и «нестяжателей». В результате этого исследования доказывается ложность представления некоторыми историками Иосифа Волоцкого и Нила Сорского как идеологических противников. Актуальность подвига прп. Иосифа рассматривается автором в государственном значении, подчеркивается, что на «иосифлянстве» основывается идеология Русской Православной Церкви XVI – XVII вв. Прп. Иосиф Волоцкий одним из первых понял, что еретичество направлено на подрыв государственных устоев Руси, и борьба с ним была борьбой за сохранение суверенитета страны. В наше время, когда России приходится сталкиваться со многими идеологическими вызовами, с открытым богоборчеством, приходящими из западных стран, невозможно переоценить пример подвига прп. Иосифа Волоцкого. Автор в богословско-философских категориях, с помощью понятий динамической и актуальной бесконечностей экстраполирует значение подвига святого прп. Иосифа в будущее, в Вечность.

Ключевые слова: *прп. Иосиф Волоцкий, свт. Геннадий Новгородский, ересь, ересь жидовствующих, Схария, иосифляне и нестяжатели, прп. Нил Сорский, идеология Русской Православной Церкви.*

70-летие великой Победы нашего Отечества, спасшего мир от смертоносного фашистского порабощения, промыслительно совпало по времени с еще двумя памятными датами России, которые также имеют спасительное содержание. Это 1000-летие со дня кончины святого князя Киевского Владимира — крестителя Руси и 500-летие памяти великого русского святого — монаха Иосифа Волоцкого. Победа св. князя Владимира над языческой тьмой стала залогом всех последующих побед Руси-России. Борьба Иосифа Волоцкого — тоже победоносное сражение, духовное и физическое, битва за чистоту православия, которым была сильна Русь.

Наблюдается некая объективная, пугающая человека величинами, сопоставимыми с человеческим веком и до ста раз превышающими его, закономерность в соседстве чисел — 70 лет, 500 лет, 1000 лет. Нам, сегодняшним, знающим на собственном, если не на реальном, то в преде-

лах родовой памяти опыте, что значит жертвенное сражение за Отечество, события, отстоящие от века нынешнего на тысячелетие и полтысячелетия, кажутся из разряда непостижимого, выходящего за мыслимые количественные границы, устремленными к бесконечности.

В христианстве истинной бесконечностью является онтологическая бесконечность Бога. Только к ней может быть применен апофатический подход, подразумевающий непостижимость Божества. Бесконечное или абсолютное в Боге не допускает никакого определения. Но любое число определяется своей конечностью, поэтому в математике можно рассматривать бесконечность как математически определенную собственно бесконечную величину и оперировать с ней. Теория множеств Кантора и интуиция актуально-бесконечного через полторы тысячи лет подтвердили древние богословские постулаты святителя Григория Нисского о том, что в актуальной божественной бесконечности, не имеющей предела, содержится динамическая бесконечность человеческого пути и подвига, определяющаяся присущей каждому человеку мерой постижения Бога. Именно с этой мерой, с этой «вместимостью» связаны подвиги русских святых, среди которых прп. Иосиф Волоцкий находится в ряду духовных водителей православного Отечества. Его подвиг борьбы с ересью, потрясшей основы державы, и еретиками во благо русского государства и чистоты православия был самопожертвованным и настолько успешным, что антирелигиозные и либеральные силы России в течение веков (и поныне) пытались исказить факты его деяний и умалчивали об истинных смыслах его побед.

Чтобы это понять, надо вспомнить определение ереси и обратиться к истории возникновения так называемой «ереси жидовствующих» на Руси в конце XV века. Ересью называется ошибочное учение, искажающее фундаментальные основы христианской веры, а его последователи называются еретиками. Слово это происходит от греческого *αἵρεσις* (выбор, направление, учение, школа) и означает личный произвол, стремление противопоставить полноте христианской истины свое субъективное выборочное мнение. Указывая на свои иудейские корни, апостол Павел говорил: «Жизнь мою от юности [моей], которую сначала проводил я среди народа моего в Иерусалиме, знают все Иудеи; они издавна знают обо мне, если захотят свидетельствовать, что я жил фарисеем по строжайшему в нашем вероисповедании учению (*αἵρεσιν*)» (Деян 26. 4, 5).

Религиозная партия, исповедовавшая то или иное учение, также могла называться ересью: «Тогда восстали некоторые из фарисейской ереси уверовавшие и говорили, что должно обрезать [язычников] и заповедывать соблюдать закон Моисеев» (Деян 15. 5); «первосвященник же и с ним все, принадлежавшие к ереси саддукейской, исполнились зависти, и наложили руки свои на Апостолов, и заключили их в народную темницу» (Деян 5. 17, 18). В 1-м Послании к Коринфянам ап. Павел использовал это слово для обозначения «разномыслий», возникших в христианской общине по поводу «вечери Господней»: «Но, предлагая сие, не хвалю [вас], что вы собираетесь не на лучшее, а на худшее. Ибо, во-первых, слышу, что, когда вы собираетесь в церковь, между вами бывают разделения, чему отчасти и верю. Ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные. Далее, вы собираетесь, [так, что это] не значит вкушать вечерю Господню; ибо всякий поспешает прежде [других] есть свою пищу, [так] [что] иной бывает голоден, а иной упивается». Однако эти «разномыслия — ереси» не носили догматического характера, а под ересями здесь понимаются беспорядки при трапезах и возникавшие при этом несогласия и раздоры, поэтому ап. Павел продолжает: «Разве у вас нет домов на то, чтобы есть и пить? Или пренебрегаете церковь Божию и унижаете неимущих? Что сказать вам? Похвалить ли вас за это? Не похвалю» (1 Кор 11. 17–22). При некотором разнообразии значений слова «ересь» в раннехристианских текстах уже апостолы употребляли его и в том значении, какое прочно закрепилось за ним впоследствии в догматическом сознании Церкви. «Были и лжепророки в народе, как и у вас будут лжеучители, которые введут пагубные ереси, — предостерегал ап. Петр, — и, отвергаясь искупившего их Господа, навлекут сами на себя скорую погибель» (2 Петр 2. 1).

Апостол Павел дал и практическое предписание в отношении еретика: «Еретика, после первого и второго вразумления, отвращайся, зная, что таковой развратился и грешит, будучи самоосужден» (Тит 3. 10, 11). Он особенно призывает своего ученика Тита остерегаться рукополагать во пресвитера и епископа обрезанных: «Ибо есть много и непокорных, пустословов и обманщиков, особенно из обрезанных, каковым должно заграждать уста: они развращают целые дома, уча, чему не должно, из постыдной корысти» (Тит 1. 10, 11). В раннем христианстве это уже было проблемой. Не избавились от нее и в последующие века.

В XV в. на Русь обрушилась так называемая «ересь жидовствующих». Это общепринятое у историков устоявшееся название мы не будем менять, хотя оно и не соответствует определению ереси, о чем будет сказано ниже. Она явилась очередным вызовом величию Руси, которое к тому времени стало очевидным для всего мира. После заключения в 1438–1439 гг. Ферраро-Флорентийской унии и завоевания в 1453 г. Константинополя турками Русская земля в глазах русских людей стала единственной хранительницей истинного (православного) христианства. Эта национальная идея Святой Руси проникла в сознание мыслящего русского общества XVI века и укрепилась в нем не без борьбы, не без препятствий.

Итак, «ересь жидовствующих» ведет свое начало с 1470 г., когда в свите приглашенного в Новгород киевско-литовского князя Михаила Олельковича оказался «жидовин Схария». Новгородский ересиарх Схария тождественен с Захарией бен Аароном га-Когеном, который переписывал рукописи в Киеве. Вскоре в Новгород, по сообщению прп. Иосифа, явились «инии жидове»¹. Иудеи не случайно начали нападки на православие с Новгорода. Этот важный торговый центр Руси был ближе всего к Западу, любое вольнодумство быстро достигало этого града по торговым путям вместе с привозными товарами. Прибыв в Новгород, Схария со своими соплеменниками прельстили священников Дионисия и Алексия.

Иудеи выступали против христианского учения, отрицали Святую Троицу, отвергали Божество Спасителя и Его воплощение, отрицали Второе Пришествие Христово и Его Страшный Суд, отвергали апостольские и святоотеческие писания и все христианские догматы, отрицали церковные установления: таинства, иерархию, посты, праздники, храмы, иконопочитание, монашество и т. д. «В строгом смысле, это была не ересь только, а полное отступничество от христианской веры и принятие веры иудейской. Схария и его товарищи проповедовали у нас не какую-либо ересь христианскую, а ту самую веру, которую содержали сами, в том виде, в каком исповедуют ее все иудеи, отвергшие Христа Спасителя и Его Божественное учение»².

В частности, преподобный Иосиф писал, что Схария также «изучен всякому злодейства изобретению, чародейству и чернокнижию,

¹ См.: Алексеев А. И. Жидовствующие // Православная энциклопедия. Т. XIX. М., 2008. С. 185.

² Митрополит Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Кн. 4. Ч. I. С. 53.

звездозаконию же и астрологи...». «Алексей и Дионисий до того возревновали о жидовской вере, что с ними всегда пили и ели, и от них научились жидовству, и не только сами учились, но научили жидовству своих жен и детей. Хотели даже обрезаться в жидовскую веру, но жиды им не велели, говоря: если узнают о вас христиане и вздумают освидетельствовать, то будете обличены, а держите жидовства тайно, явно же христианство. Алексею переменяли имя, назвали его Авраамом, а жену его назвали Саррою»³.

Действительно, в организации секты жидовствующих многое напоминало будущее масонство: строгая законспирированность, проникновение в высшие слои правительства и духовенства, магические ритуалы, включающие «обряд» поругания святыни. Являясь непримиримыми врагами христианства, жидовствующие скрывали свою ненависть к нему, втайне рассчитывая постепенно разрушить его изнутри. Обольщая астрологией и чернокнижием, Схария и другие прибывшие с ним иудеи хвалились каббалою, древними преданиями, якобы дошедшими до них от Моисея, уверяли даже, что имеют книгу, полученную Адамом от Бога, что знают все тайны природы, могут объяснять сновидения, угадывать будущее, повелевать духами — все то, что дает власть. Вадим Кожин полагает, что именно этот иудейский магизм каббалы, дающий силу влияния, и оболстил новгородских попов, а они, в свою очередь, — целый ряд очень влиятельных русских людей, начиная с самого великого князя Иоанна III. Особо обращает внимание то, что яростной еретичкой, отступницей от православия, сделалась мать наследника престола царевича Дмитрия — Елена Стефановна «Волошанка». Едва ли иудаизм как таковой мог увлечь русских людей, которые при киевском князе Владимире уже сделали свой выбор⁴.

В дальнейшем распространителями «ереси» были уже не иудеи, а совращенные ими православные священники — Алексий и Дионисий, постоянно носившие личину христиан. «Первый научил жидовству зятя своего Ивана Максимова, и отца его попа Максима, и многих других попов, и диаконов, и простых людей. Дионисий научил также многих жидовству и, между прочим, софийского протоиерея Гавриила. В числе множества совращенных в жидовство, преимущественно священников,

³ Митрополит Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Кн. 4. Ч. I. М., 1996, С. 53.

⁴ Кожин В. В. История Руси и русского слова. М.: Эксмо-Пресс, 2001. С. 459–460.

диаконов, дьячков, клирошан, находился и сын одного лица, имевший великую власть в Новгороде, Григорий Тучин»⁵. Через них лжеучение «распространилось не только в Новгороде, но и по селам, и все чрез попов, которые, напившись и наевшись, без страха совершали литургию. Некоторые отступники нарочно ставились в попы, чтобы удобнее совращать своих духовных детей. Если замечали кого-либо твердым в вере и православии, то таились пред ним и старались казаться православными. А встречая людей простых, слабых и преданных тяжким грехам, увлекали таких в свою прелесть и отпускали им все грехи. Когда же кто из православных начинал обличать их самих в ереси, они отрекались от нее с клятвою, величали себя православными и даже проклинали еретиков, считая и клятву и проклятие за ничто»⁶.

Проникла «ересь» и в Москву, когда оба тайных еретика так ловко сумели обольстить великого князя Иоанна III, прибывшего в Новгород, что были в 1480 г. взяты им в столицу и даже назначены настоятелями кремлевских соборов. Впоследствии «ересь» приобрела себе сильных покровителей, которые содействовали ее распространению и привлекали многих обаянием вольномыслия и распущенностью нравов. «Заметим, однако ж, что при дальнейшем развитии ереси она привлекла к себе и имела двоякого рода последователей: одни, отвергшись Христа, принимали самое жидовство — это люди простые, необразованные, а другие, образованные и книжные, отвергшись Христа, не принимали самого жидовства, но только усвоили все воззрения жидовствующих на христианство, отвергали все собственно христианские догматы и установления, делались совершенными вольнодумцами. С этими-то последними преимущественно и приходилось бороться преподобному Иосифу, и в этом виде ересь жидовствующих, даже после окончательного подавления ее внешними средствами, долго еще существовала у нас между лицами высших классов»⁷.

XV–XVI века — это, образно говоря, эпоха Фауста. На наш взгляд, должно иметь место в рассматриваемой нами исторической ситуации мнение выдающегося православного философа А. С. Панарина. «Для закабаления природы требуется — как и почти для всякого закабаления —

⁵ *Митрополит Макарий (Булгаков)*. История Русской Церкви. Кн. 4. Ч. I. С. 53.

⁶ Там же. С. 57–58.

⁷ Там же. С. 55.

спровоцировать в системе подлежащего завоеванию бунт низших элементов против высших. Первой закабаляющей стратегией, известной со времен Ренессанса, было высвобождение фаустовским знанием низших, механических сил и использование их примитивной энергии против высших, органических элементов природы, в которых она являет себя как сложная живая целостность. Личность фаустовского типа, лишенная пиетета перед космосом, организуя этот бунт низших сил против высших, в перспективе намечает полное прибиение природного космоса к рукам. Никаких благодатных импульсов, никаких законодательных, образцовых гармоний она в нем не видит. Социум здесь растет за счет природы, путем неуклонного ее отступления. Это и есть модель линейного времени прогресса, в противовес православной циклической модели, при которой автономная общественная эволюция, заходящая в тупики греховности, прерывается космическим отшельничеством харизматиков, превращающих свои кельи в новую модель общежития и на основе этой модели обновляющих социальную жизнь»⁸. Такой харизматической личностью в свое время и был св. Иосиф Волоцкий, почувствовавший опасность нового «греховного тупика», в который стремились завести Россию сторонние силы, по сей день мечтающие прибрать ее к рукам.

Какой же глубокой, непоколебимой верой должен был обладать монах Волоколамского монастыря Иосиф, вышедший практически в одиночку на борьбу за истинное православие против таких мощных в своем богоборческом единении сил! Его борьбу с ересью можно назвать героической, так как приходилось бороться с государственной властью и влиятельными иерархами родной Церкви. Без помощи Божией такая на протяжении пятнадцати лет самоотверженная борьба не увенчалась бы успехом. Значит за святое, за Господнее дело пошел Иосиф Волоцкий. Он не боялся смерти, уверенный в бесконечности бытия.

За «светлый космос» человеческого бытия в православной вере и против ересей, организующих беспорядочную «искусственную среду управляемого хаоса», пошел воевать монах Иосиф Волоцкий, имея в себе великую «меру» постижения Бога. А конкретнее, — он пошел воевать за Россию, которая не может существовать без веры в Бога. «Иосиф (Санин), преп. волоцкий, родился в 1439 или 1440 г., скончался 9 сентября 1515 г.,

---

⁸ Панарин А. С. Православная цивилизация. СПб., 2014. С. 80.

основатель монастыря около гор. Волоколамска, который скоро приобрел громкую известность своим высоким иноческим уставом, выведенным препод. Иосифом; его борьба против ереси жидовствующих занимает видное место в истории Русской Церкви. Причислен к лику святых 20 декабря 1578 г.». Это все, что говорится о святом в Полном православном богословском энциклопедическом словаре, изданном П. П. Сойкинским в 1912 году. Много к тому можно и нужно добавить.

Иосиф Волоцкий никогда не стремился занять важное место в церковной иерархии, он был упорным молитвенником, скромным тружеником, все силы отдавал на создание своего монастыря, видя в нем воплощение священства на земле. Личность человека праведного и грешного являлась неотъемлемой частью его пастырской заботы и духовного попечения, потому что святой монах неизменно веровал в то, что «по образу» Божию человек создан самодержавным и господствующим. Нет никого более Бога — так и на земле нет никого более человека, ибо Бог сотворил его, чтобы владычествовать над всеми. «По подобию» Божию человек создан быть милостивым и щедрым ко всем, в особенности же к врагам, как Бог, Который озаряет солнцем и злых, и добрых»⁹. «Он (Иосиф) действовал и силою своего необыкновенного благочестия и вместе своим разумом и книжной мудростью, своим редким даром слова и увлекательными, всегда назидательными беседами. Воины и воеводы, бояре и вельможи, сановники и князья — все искали возможности видеть его, послушать его сладкой речи, воспользоваться его наставлениями и советами, а многие избирали его себе в духовника. И слово святого старца приносило чудные плоды: грешники обращались к покаянию и оставляли свои злые обычаи; люди гордые и свирепые делались смиренными и кроткими, и «вся тогда Волоцкая страна к доброй жизни прилагашеся». Участь бедных, поселян и слуг составляла предмет его особенной заботливости. Он убеждал господ, иногда писал им, чтоб они не отягощали и не обижали своих слуг и крестьян, обходились с ними по-человечески, согласно с внушениями нашей святой веры. И многие господа слушали его уроков, а слуги благословляли его имя»¹⁰.

Казалось, монах следовал заветам св. Сергия Радонежского, отказавшегося оставить свою обитель ради высокой церковной должно-

⁹ Прп. Иосиф Волоцкий. Слово первое // Он же. Просветитель. М., 1993. С. 60–61.

¹⁰ Митрополит Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Кн. 4. Ч. I. С. 67.

сти. Иосифо-Волоколамский мужской монастырь, находящийся вблизи Москвы, был основан около 1479 года. В нем на начало прошлого века находилось пять храмов, где хранились множество древних драгоценных икон, старинная утварь, были библиотека с древними церковными книгами, школа, приют, богадельня, в километре от монастыря располагался скит. Как сообщает историк Н. И. Костомаров, ссылаясь на сочинения прп. Иосифа, «монастырь на собственные средства содержит нищих, странников, совершает поминовения по тем, которые давали вклады, и потому для них нужны свечи, хлеб и ладан; автор приводил примеры из Ветхого Завета, из византийских законов, из соборных определений; вспоминал о том, что русские князья, начиная с самых первых, давали в монастыри вклады, записывали села, и, наконец, приводил самые убедительные доказательства, что если за монастырями не будет сел, то нельзя постригаться в них знатным и благородным людям, а в таком случае неоткуда будет взять на Руси митрополитов и прочих архиереев»¹¹. Такими доводами переубедил преподобный Иосиф на Церковном Соборе великого князя Ивана III, руками которого верхушка властной элиты — «личности фаустовского типа, лишённые пиетета перед высшим» (А. С. Панарин) — стремилась прибрать к своим рукам имущество монастырей, лицемерно поддерживая «нестяжателей» во главе с прп. Нилом Сорским.

Тем самым Иосиф Волоцкий спас Русскую Церковь, жизнь которой светские власти попытались реформировать социально-политическими методами, и на какое-то время продлил жизнь Святой Руси. Великой державой Русь к концу XV в. стала во многом и потому, что политическое и духовное ее развитие проходило в едином творческом русле. На это единство и покусился внешний враг, искавший новые направления, как сейчас говорят, «гибридной войны», которая на самом деле имеет глубокие исторические корни.

Вот как поясняет различия восточной духовной доктрины, раскрывающейся в логике «космос — человек — социум», и ей противостоящей западной модели «социум — человек — космос» А. С. Панарин, из чего можно понять нравственные причины стояния за свои принципы Иосифа Волоцкого, благие последствия героического подвига которо-

---

¹¹ *Костомаров Н. И.* Господство дома св. Владимира: Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Воениздат, 1993. С. 391.

го простираются в наше время и имеют актуальное значение. Говоря о смыслах православного бытия, А. С. Панарин выводит следующую структуру: «Человек удаляется от социума, повязавшего его в грехе, пребывает в отшельнической тишине, совершая при этом нечто вроде феноменологической редукции: он выносит социум со всей его греховной мирской суетой за скобки, чтобы в сосредоточенном уединении услышать голос благодати... Блаженный отшельник, ушедший от греховного социума в природно-укромные, не оскверненные человеческим присутствием оазисы уединенности, через некоторое время оказывается отцом священной братии — основателем нового монастыря. Монастырь становится местом массового паломничества — притяжением тех, кто преисполнен решимости изменить себя, начать новую жизнь. Следовательно, монастырь становится воплощением особой духовной власти, не обремененной никакими привычными “социальными заказами” и обязательствами. Такая власть космоцентрична, а не социоцентрична, и обладает особыми источниками легитимности, не имеющими ничего общего с выяснениями политической, княжеской власти или велениями толпы»¹².

Осознанно и мудро неся на себе бремя этой власти, прп. Иосиф сразу откликнулся на зов о помощи архиепископа Геннадия Новгородского († 1505 г.), в духовных владениях которого еретики или, как их называли, «отступники», предприняли свой первый, достаточно удачный идеологический штурм. Архиепископ Геннадий сам был выдающимся пастырем, он сыграл важную роль в истории отеческой религиозной мысли как инициатор создания большого числа религиозно-философских сочинений, имевших влияние на всю последующую богослужebную жизнь Русской Православной Церкви и на духовную жизнь России.

Много исторических наслоений лежит на истории борьбы прп. Иосифа Волоцкого с ересью, которые возникли даже не столько из-за исторических ошибок, сколько, выражаясь термином современного французского философа Поля Рикера, вследствие «конфликта интерпретаций». «Одушевленный ревностью по вере, готовый потерпеть за нее страдания и смерть, Иосиф смело выступил против еретиков (около 1493 г.). Он не щадил отступников от христианства, и в особенности главу их — митрополита Зосиму, называл его Иудею, предателем, предтечею антихриста, первенцем сатаны, злодеем, какого не бывало даже между

---

¹² Панарин А. С. Православная цивилизация. СПб., 2014. С. 78.

вероотступниками»¹³. Как всегда, здесь столкнулись либеральная и консервативная интерпретации истории. Даже известный русский философ Георгий Федотов уверенно писал, что Иосиф Волоцкий проявлял суровость не только к еретикам, но и к своим идеологическим врагам, таким, как Нил Сорский. Это в корне неверно, и подмена самобытной точки зрения, присущей прп. Нилу Сорскому, находящемуся с прп. Иосифом Волоцким в духовном согласии, идеей вражды была выгодна еретикам, стремящимся между отцами Русской Церкви спровоцировать конфронтацию. Миф о противоборстве двух великих русских святых, не имеющих, как отмечают современные историки, фактических доказательств, но восходящий к таким светским деятелям, как, например, «либерал» князь Василий Патрикеев, стремящимся дискредитировать достижения святого Иосифа Волоцкого, имеет и современных защитников.

Но кто бы о чем ни мечтал, история свидетельствует, что в 1503 г., через 25 лет после увлечения великим князем речами «еретических» новгородских священников, состоялась беседа преподобного Иосифа с Иваном III, в которой правитель православной Руси признал ошибочность и опасность своего одобрения «ереси» и покаялся перед преподобным Иосифом. Этот факт не вызывает сомнения, так как подтвержден посланием, написанным собственноручно прп. Иосифом духовнику великого князя — архимандриту Андрониковскому Митрофану.

Трудно, конечно, современным людям, далеким от понимания духовных вершин Святой Руси, возвращающимся постепенно, со смущением, к церковной жизни после почти века богоборчества, судить об уровне жестокости и о степени справедливости борьбы за чистоту православия в XV веке. И все же, когда мы сами стали свидетелями современной чудовищной лжи-пропаганды, которой подвергаются руководители современной России, стоящие на защите ее географических и ментальных границ, когда сегодня против России ведется всем миром жесточайшая информационная и культурологическая война, когда просыпаются древние мечты о католической мировой экспансии, нам многое открывается в подвиге прп. Иосифа Волоцкого, причинами активной жизненной позиции которого стали также внешние обстоятельства.

Как говорит историк Сергей Перевезенцев, преподобный Иосиф, воспитанный в духе иноческого подвижничества, был полностью

---

¹³ Митрополит Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Кн. 4. Ч. I. С. 68.

проникнут верой в то, что Христос — это Истина и Любовь, что единственное средство для измерения человеческой природы и общества есть страх Божий. Он хотел привести человека и все общество к покаянию, очистить от скверны, а затем привести к посмертному спасению как главной цели человеческой жизни. «Представление о Церкви как о мощном орудии, организующем общество на христианских началах, и идея страха Божия как главного средства Церкви, и стали краеугольными камнями всего учения, созданного Иосифом Волоцким, и позднее прозванного “иосифлянством”»¹⁴.

Но не только учение ставится в заслугу святому монаху, имевшему литературный дар и оставившему в истории древнерусской литературы переживший века глубокий и основательный богословский трактат под названием «Просветитель», в котором собраны, аргументированы и объяснены все важнейшие догматические и богослужебные традиции Православной Церкви. Он представляет собой свод знаний, необходимых каждому христианину. Бог поругаем не бывает, и события, направляемые врагом рода человеческого к гибели, оборачиваются ко славе Божией и ко спасению. О неизреченной премудрости и благодати Божьего Промысла, о «Божественной хитрости» пишет прп. Иосиф в 4-м Слове «Просветителя». Эта сила Божьего Промысла была явлена и в истории России в победе над ересью жидовствующих, — победе, вдохновленной Духом Божиим и возглавленной двумя светильниками Русской Церкви: святителем Геннадием Новгородским и преподобным Иосифом Волоцким.

Имя прп. Иосифа имеет государственное значение, на «иосифлянстве» основывается идеология Русской Православной Церкви XVI–XVII веков. Прп. Иосиф Волоцкий одним из первых понял, что еретичество направлено на подрыв государственных устоев Руси, и борьба с ним была борьбой за сохранение суверенитета страны. К этой теме обращается в своих исследованиях известный прозаик и историк Николай Коняев. Он говорит: «Случайно ли, что распространение ереси достигло своего пика в 1480 году? В том самом году, когда стоянием на Угре завершено было начатое еще святым Дмитрием Донским освобождение Руси от татаро-монгольского ига. Святая Русь, которую не удалось сокрушить извне, оказалась приведенной на грань внутреннего саморазрушения. Тру-

---

¹⁴ *Перевезенцев С. В.* Тайны русской веры. От язычества к империи. Вече. М., 2001. С. 214–215.

дами и молитвенными подвигами святителя Геннадия Новгородского и преподобного Иосифа Волоцкого удалось искоренить новую страшную опасность... Именно тогда, когда уничтожена была ересь, псковский игумен Филофей, словно бы подводя итог и определяя направление развития России на будущее, написал: «Москва — Третий Рим. Вторым Римом была Византия, но приняв унию, она изменила христианству и пала. Четвертому же Риму не бывать»¹⁵.

Очевидно, прп. Иосиф Волоцкий много способствовал усилению роли Церкви в обществе и роли самого государства. Будучи приверженцем личного аскетизма, он решительно выступал за оставление монастырям земельной собственности, так как понимал, что только обладая материальной независимостью монашество сможет заниматься своим главным делом — молитвой и несением в народ Слова Божия. Поначалу он действительно проповедовал принцип превосходства священства над царством. Но впоследствии понял, что без поддержки власти, без помощи великого князя Церковь не сможет осуществить в полной мере свою миссию, и склонился к приоритету власти государя. «В своих посланиях, обращаясь к великому князю московскому Василию Ивановичу, он постоянно именовал его не просто великокняжеским титулом, но и “самодержцем”, “царем” и “государем всей Русской земли”, то есть титулами, которыми Василий Иванович официально еще не обладал. Больше того, одним из первых в то время Иосиф Волоцкий задумался и начал говорить о Божественном происхождении власти русского государя»¹⁶.

Большое количество ссылок и цитат, приведенных в этой сравнительно небольшой статье, необходимо не только для создания более полного представления образа прп. Иосифа Волоцкого и его эпохи, но и для подтверждения его присутствия в нашем времени и мире. Свидетельства многих людей, ощущающих необходимость и возможность обращения к личности святого монаха, являются теми связями с преподобным, где подтверждается «бесконечность человеческого пути и подвига, в котором всегда есть начало дальнейшего — даже за пределами земной жизни и самого времени» (свт. Григорий Нисский). Проще об этом сказал академик В. О. Ключевский: «Есть имена, которые носили исторические люди, жившие в известное время, делавшие исторически

---

¹⁵ *Коняев Н. М.* Что читал государь в Тобольске. СПб.: Русь, 2013. С. 299.

¹⁶ *Перевезенцев С. В.* Тайны русской веры... С. 219.

известное жизненное дело, но имена, которые уже утратили хронологическое значение, выступили из границ времени, когда жили их носители. Это потому, что дело, сделанное таким человеком, по своему значению так далеко выходило за пределы своего века, своим благотворным действием так глубоко захватило жизнь дальнейших поколений, что с лица, его сделавшего, в сознании этих поколений постепенно спадало все временное и местное, и оно из исторического деятеля превратилось в народную идею, а самое дело его из исторического факта стало практической заповедью, заветом, тем, что мы привыкли называть идеалом»¹⁷.

И в этом смысле мне кажется допустимым предположение некоторых современных исследователей древнерусских икон, считающих, что гениальный иконописец Дионисий, для которого прп. Иосиф Волоцкий был другом, наставником, вдохновителем, специально создал нетипичный монументальный образ Николая Мирликийского в Рождественском соборе Ферапонтова монастыря. Осмысление темы борьбы Николы с Арием, происходившей более чем за 1000 лет до рождения прп. Иосифа Волоцкого, Дионисий перенес на современную ему действительность и вложил в образ Николая Мирликийского проникновенное видение и понимание своего возлюбленного брата Иосифа, так же непримиримо и успешно сражавшегося с опасной для православия ересью. В этом слиянии и взаимопроникновении иконописных образов двух святых отражается не только историческая правда, но содержится свидетельство спасительной возможности соприкосновения, стремящегося в пределе к слиянию, динамической бесконечности человеческой жизни, выходящей за свои физические границы, с актуальной божественной бесконечностью.

---

¹⁷ Ключевский В. О. Очерки и речи. Второй сборник статей. М., 1913. С. 140.